

УДК 811.111+81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.04

Д. З. Шапиева
Москва, Россия

D. Z. Shapieva
Moscow, Russia

**СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ВЗГЛЯДА
НА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ РОССИИ
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

**PORTRAYAL OF RUSSIAN POLITICAL
LEADERS IN THE EARLY XXI CENTURY IN
THE BRITISH AND AMERICAN MASS-MEDIA**

В БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СМИ

Аннотация. Изучается специфика выражения оценочного мнения о политических лидерах России в современных англоязычных СМИ. Рассматривается роль метафоры и других фигур речи в связи со стратегией достижения журналистом прагматической цели. В центре внимания при анализе особенностей формирования взгляда на политического лидера России в современной британской и американской публицистике находится семантика политической статьи, обусловленная определенной коммуникативной стратегией и моделированием имплицитного смысла.

Abstract. The article deals with the usage of metaphor and other tropes in the UK & US mass media articles and reports, which are used to portray and evaluate the political leaders of Russia. It is devoted to various approaches and strategies (eg. metaphors and other tropes) letting the journalists achieve the pragmatic goal. The research focuses on pragmatic semantics of political journalism, namely the application of a particular communicative strategy as well as the implicit purport.

Ключевые слова: метафора; политическая публицистика; СМИ; экспрессивность; метафорическое переосмысление; оценочность; коммуникативная стратегия; прагматические функции метафоры и других фигур речи (эпитет, сравнение, литота); ирония; имплицитный смысл; концепты «враг» и «друг».

Key words: metaphor; political journalism; mass media; expressivity; metaphoric character of different interpretation; assessment; communicative strategy; pragmatic functions of metaphor and other tropes (epithet, simile, litotes); irony; implicit purport; concepts "enemy" and "friend".

Сведения об авторе: Шапиева Дилара Залимхановна, аспирант кафедры лексики английского языка.

About the author: Shapieva Dilyara Zalimkhanovna, Post-graduate Student of the Chair of English Lexicology.

Место работы: Московский педагогический государственный университет.

Place of employment: Moscow Pedagogical State University.

Контактная информация: 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.
e-mail: Shapieva dilyara@mail.ru.

В современной публицистике регулярно дается оценка эффективности работы политических лидеров, так или иначе пытающихся сохранить и упрочить свое конкурентное преимущество перед другими политиками, поскольку проводимый данными лидерами курс политических, социальных и экономических преобразований влияет на умы и сердца представителей каждой нации, осознающей свою ответственность за беды и несчастья, происходящие в мире, особенно если их можно было предотвратить.

Желание современных журналистов изменить общественное мнение во многом определяется той оценкой, которую они дают тому или иному политическому деятелю, не стремящемуся, по их мнению, изменить сложившуюся политическую, социальную и экономическую обстановку к лучшему [Чудинов, 2004]. Естественно, оценка каждого отдельного политического лидера современными СМИ во многом определяет специфику отношения к нему населения, которое готово разделить представленную достаточно об-

разно и убедительно позитивную или негативную оценку проводимых тем или иным политиком преобразований, несмотря на то что сами реципиенты данного общественного деятеля никогда не видели и о его политической программе знают лишь понаслышке.

Оценка эффективности работы различных органов власти и их представителей является важной составной частью политического дискурса, что обусловлено желанием каждого отдельного гражданина повлиять на государственное решение по тому или иному важному для каждого человека вопросу, а потому прогнозы на будущее и перспективы изменения политической обстановки в мире активно обсуждаются на страницах современных СМИ [Шейгал 2000; Чудинов 2003 и др.].

Хотя, как считает В. Н. Телия, практически все оценки относительны, зависят от эмпатии и могут использоваться в противоположном значении в зависимости от «ценностной ориентации» автора того или иного текста [Телия 1986: 110], отсутствие очевидных фактов, доказывающих состоятельность

конкретной точки зрения, в большинстве случаев не мешает широкой читательской аудитории согласиться с высказанным журналистом недостаточно аргументированным оценочным мнением.

Оценочное мнение является антропоцентричным, поскольку выражается по отношению к человеку и его деятельности и обусловлено попыткой выяснить, способен ли тот или иной общественный деятель достаточно эффективно исполнять свои обязанности, не злоупотреблять при этом переданными ему правовыми полномочиями, стоит ли ему доверять, осуществит ли он те преобразования, которых от него ждут избиратели [Будаев 2008].

Субъективно-оценочный характер многих суждений о реализации политическим деятелем своей программы во многом зависит от регулярности использования широкого ассортимента экспрессивно-оценочных и эмоционально-оценочных лексических и фразеологических единиц [Будаев, Чудинов 2008]. Активное употребление в современной публицистике таких фигур речи, как метафора, сравнение, эпитет, во многом способствует достижению поставленной автором конкретной политической статьи прагматической цели — убедить массового читателя в том, что политическая обстановка в мире может улучшиться или ухудшиться в результате действий того или иного политика [Шейгал 2000; Чудинов 2006; Тюрина 2003 и др.].

Связанный с желанием каждой отдельной личности повлиять на положение вещей в конкретном регионе и мире в целом, политический дискурс опирается на сложившиеся в данной лингвокультуре стереотипы выражения оценочного мнения и активно создает новые, способствуя интенсивному изменению концептуальной картины мира [Арутюнова 2003; Никитин 2003 и др.]. Приведем пример:

*But facing the **barrage** of criticism abroad, Putin promised that Politkovskaya's assassins would be found. He may have created the Russia in which more journalists have been killed in the last 10 years than anywhere else in the world, except Iraq, but he certainly did not need Politkovskaya to die* [Guardian. 2008. 18 Nov.].

С помощью метафоры в данном случае критики В. Путина изображаются вооруженными, а потому чрезвычайно опасными людьми (**barrage** — *the firing of artillery to saturate an area, either to protect against an attack or to support an advance* [Collins English Dictionary 2006] / *заградительный огонь, огневой вал* [Мюллер 2000]), а также бобрами — животными, затрудняющими перемещение по территории, на которой они оби-

тают (**barrage** — *a usually gated construction, similar to a low dam, across a watercourse, esp. one to increase the depth of water to assist navigation* [Collins English Dictionary 2006] / *заграждение, препятствие, плотина; дамба* [Мюллер 2000]).

В данном случае актуальными являются оба целевых объекта метафорической экспансии (*плотина и заградительный огонь*). Разрушительная стихия огня связывается в сознании читателя с разрушением политического имиджа, снижением популярности, активная работа представителей водной фауны, бобров, — с препятствиями, подталкиванием В. Путина к уходу с политической сцены.

Для современных СМИ, пытающихся в ряде случаев быть максимально объективными в оценке того или иного политика или, напротив, стремящихся использовать все средства, чтобы дискредитировать его либо сохранить или увеличить его популярность, не существует тем неинтересных или запретных. Опираясь на те или иные коммуникативные стратегии (сочувствия, осуждения, контраста, модальности, достоверности, умолчания, возврата в прошлое [Меграбова 2008: 62—75] и т. п.), СМИ, как правило, стремятся подвергнуть критике тех политических лидеров, которые, по их мнению, при использовании властных полномочий пренебрегают интересами большинства граждан своего государства и населения всего мира.

Достаточно часто позитивная оценка в современных СМИ дается иронически. Тем самым автор подчеркивает, что он отнюдь не разделяет сложившегося общего мнения.

From Russia With Loathing

*SHORTLY before the presidential election, at a discussion about Russian-American relations I attended in Cambridge, Mass., speakers from both countries voiced the hope that the election of Barack Obama would signal the **renewal of a beautiful friendship**. In an address to the Russian Parliament, President Dmitri Medvedev **welcomed President-elect Obama with a threat** to deploy Russian missiles on the Polish border if the United States put anti-missile systems in Eastern Europe. While some conciliatory signals followed, it seems clear that the Kremlin intends to **keep the “new cold war” going*** [New York Times. 2008. 21 Nov.].

Автор данной газетной статьи обращает внимание читателя на враждебность Москвы, нежелание российской политической элиты соблюдать этикет. Заголовок является аллюзией на роман Яна Флеминга [Fleming 1957] о британском разведчике Джеймсе Бонде, «*From Russia With Love*», название которого выражает привязанность и желание

сохранить добрые отношения. Журналист меняет в нем существительное *love* (*an intense emotion of affection, warmth, fondness, and regard towards a person or thing* [Collins English Dictionary 2006] / *любовь, приязнь, симпатия; привязанность* [Мюллер 2000]) на антоним *loathing* (*abhorrence; disgust* [Collins English Dictionary 2006] / *отвращение, ненависть* [Мюллер 2000]). В результате отношения между Россией и США рассматриваются как откровенно враждебные, на что указывает и использование метафоры *new cold war*, еще раз указывающей на враждебность, непримиримость, желание причинить вред как на важные черты характера российских политических лидеров.

Естественно, к возможности восстановления дружеских отношений (*renewal of a beautiful friendship*) между Россией и США журналист относится скептически, иронизирует по этому поводу. Напомним: «Интенция иронического высказывания как речевого акта состоит в том, чтобы неявно поменять буквальную положительную оценку на противоположную — отрицательную посредством указанного конфликта» [Никитин 1996: 744]. Ирония автора в рассматриваемой статье связана с конфликтом эксплицитного значения выражения *renewal of a beautiful friendship* с общим фоном материала. Это противоречие разрешается в пользу утверждения, сформулированного в заголовке статьи, которое перечеркивает буквальный смысл определения *renewal of a beautiful friendship* как соответствующий не действительности, а желаниям рядовых американцев.

О том, что автор относится скептически к сформировавшейся в СМИ положительной или отрицательной точке зрения на конкретного политического лидера, говорит уже название политической статьи, опубликованной в газете «Гардиан», — «*Poker with missiles*» [Guardian. 2008. 7 Nov.]. Оно недвусмысленно намекает читателю, что реактивные снаряды (*missiles*) используются кем-то как средство давления на другие государства, которым приходится иметь дело с агрессором, рассматривающим политическую деятельность как своего рода азартную игру.

Метафорическое переосмысление лексемы *poker* (покер, карточная игра) во многом обусловлено тем, что британский читатель хорошо знает психологические нюансы этой карточной игры, в которой часто блефуют, создавая у партнера по игре впечатление, что на этот раз ему не повезло, а потому следует выйти из игры, отдав своему сопернику ранее сделанные ставки.

Текст статьи во многом подтверждает высказанную уже в заголовке оценочную гипотезу, предоставляя читателю подробную информацию о том политическом лидере, который, участвуя в политических переговорах по поводу спорных вопросов военной политики (*missiles*), может вести двойную игру (блефовать) — создавать у других политиков впечатление, что у него хорошая карта и ему следует на этот раз уступить. Прочитав фрагмент:

There were elaborate explanations yesterday as to why the Russian president, Dmitry Medvedev, had chosen to greet the election of a liberal to the White House by deploying nuclear missiles in its western enclave of Kaliningrad [Guardian. 2008. 7 Nov.].

Впечатление о том, что заявления политиков не более чем блеф, элемент карточной игры, продиктованный желанием сохранить и приумножить свои политические, экономические и социальные преимущества перед другими гражданами, преимущества своей страны перед другими государствами, не обладающими значительной военной мощью, находит свое подтверждение в реализации важной для автора коммуникативной стратегии контраста (ответственное отношение к своим властным полномочиям / использование их в двойной игре).

Намек автора статьи на то, что Д. Медведеву пришлось поздравить Б. Обаму с победой на президентских выборах, свидетельствует о том, что автор не рассматривает российского президента как человека либеральных взглядов. Д. Медведев, как считает журналист, блефует, ведет нечестную, двойную игру.

Доказывая свое оценочное мнение, автор, как мы видим, опирается в большей степени не на эксплицитные значения используемых лексических единиц, а на имплицитные (*had chosen to greet the election of a liberal* вместо *had had to greet the election of a liberal*), вписывая смысловое содержание своего сообщения «как часть в целое некоего предметного мира, в систему его связей и закономерностей» [Никитин 1996: 630].

«Всякое высказывание опирается на значимый фон предпосылок, и сопровождается значимым шлейфом следствий» — отмечает М. В. Никитин, демонстрируя, что осмысление текста читателем идет в «двух взаимодействующих как модель и моделируемое смысловых плоскостях — эксплицитной и имплицитной» [Никитин 1996: 630; 640]. Эту мысль подтверждает следующий фрагмент:

Russia, we were told, was laying down a marker. It was saying: you can not ignore us.

Or Medvedev was testing a greenhorn leader to see how he would react. There was every explanation except the obvious one: cause and effect [Guardian, 7 November 2008].

Шлейф следствий сформулированного еще в названии статьи (*Poker with missiles*) имплицитного смысла описываемого политического события доказывает, что М. Медведев, как считает автор, лишь выдает себя за либерала.

По мнению автора статьи, политическая элита России рассматривает нового президента США как новичка, неопытного или наивного человека — *greenhorn*: 1) *an inexperienced person, esp. one who is extremely gullible*; 2) *chiefly a newcomer or immigrant* [Collins English Dictionary 2006].

Данный оценочный эпитет является средством реализации выбранной автором коммуникативной стратегии контраста. Определение обусловлено и метонимическим, и метафорическим переносом: *an animal with green (that is, young) horns > green horn > greenhorn*.

Данная зооморфная метафора помогает журналисту сопоставить Д. Медведева с уже зрелым, опытным представителем фауны, представителем крупного рогатого скота, животным достаточно агрессивным (например, быком), умеющим маневрировать, скрывать свои агрессивные цели в ожидании подходящего момента.

Б. Обама, напротив, изображается как уязвимое животное, бычок, — существо, еще не способное постоять за себя, выстоять в жестокой конкурентной борьбе на политической арене, не осознающее, что его противник может оказаться нечестным игроком, своего рода политическим шулером.

Следует обратить внимание и на имплицитную символику указания автора на невозможность объяснить поведение российского политического лидера причинно-следственной связью (*There was every explanation except the obvious one: cause and effect*), способствующую закреплению в сознании читателя представления о российском президенте как о существе, нарушающем законы логики и опирающемся на такое неоспоримое преимущество, как сила и военная мощь своего государства.

The cause was America's decision to deploy missiles and a radar system on Russia's border. It was a decision which no Russian president of any hue could ignore. The radar is capable not only of tracking incoming Iranian missiles but of directing a warhead anywhere on Russia's territory to an accuracy of metres. [Guardian. 2008. 7 Nov.].

Вскрытый нами имплицитный смысл политического текста (рассмотрение политиче-

ской деятельности как азартной игры, связанной с умением скрывать свои истинные намерения как политическим козырем и обнаружением в современных политиках агрессивности) опирается в дальнейшем, как мы видим, на эксплицитные смыслы — информацию о встрече политических лидеров России и США, их попытке решить конфликт вокруг ПРО (*America's decision to deploy missiles and a radar system on Russia's border; would Russia station missiles in Kaliningrad or not?*).

Однако и далее по тексту возникают новые имплицитные смыслы, важные с точки зрения передачи представления автора об описываемом политическом событии. Метафорическое переосмысление лексемы *hue* (*the attribute of colour that enables an observer to classify it as red, green, blue, purple, etc., and excludes white, black, and shades of grey*) обусловлено в данном случае соотношением высказываемой российским политическим лидером позиции по тому или иному политическому вопросу с естественным отбором или умением представителей животного мира приспособиться к условиям окружающей среды, что обеспечивает им конкурентное преимущество перед другими видами, не сумевшими приспособиться, стать невидимыми для своей потенциальной жертвы, т. е. скрывать агрессивный характер своих целей.

Важную роль с точки зрения создания в воображении читателя представления о Д. Медведеве играет литота *«It was a decision which no Russian president of any hue could ignore»*, обусловленная желанием автора подтолкнуть читателя к обдумыванию того, как в аналогичной ситуации могли бы повести себя другие российские и советские политические лидеры, каждый из которых проявлял агрессию и разыгрывал дружелюбие по-своему.

One move in this poker game soon leads to another. Thanks to America's insistence on a shield of unproven worth, and Poland's backing for it, eastern Europe now faces the nightmare return of the short-range missile. Go back 16 years to discover just how dangerous this bluff was. Taking the chips off the table is going to be more difficult, even though Barack Obama told Radek Sikorski, the Polish foreign minister, about his doubts concerning the effectiveness of the missile shield. Whatever the truth about the Pentagon's claim that the shield is not aimed at Russia, the installation has become a self-fulfilling prophecy [Guardian. 2008. 7 Nov.].

Лексический повтор метафоры *poker*, впервые обозначенной уже в заголовке, на данном этапе развития информационного сообщения еще в большей степени подчер-

кивает ироничное отношение британского журналиста к заявлениям политических деятелей, которых он считает людьми, обладающими навыками двойной игры, а возможно, и как карточных шулеров.

Коммуникативная стратегия осуждения российской политической элиты получает свое развитие в оценочных эпитетах (**dangerous, more difficult, self-fulfilling**) и метафорах (**nightmare, bluff, prophecy**), дающих ключ к верной и более детальной интерпретации российских политических деятелей как источника трудностей и опасностей, препятствия на пути к мирному гармоничному сосуществованию различных государств, не склонных ко лжи и агрессии.

*It invites Russian targeting, from which the missile base now has to be defended. The result is that missiles are **springing up like green shoots**. And no one can afford to wait for the next **frozen conflict of the region** — an area that runs from the Baltics, through which Russian military convoys travel to Kaliningrad, to the Caspian Sea — to **leap out of the deep freeze**. Georgia could **erupt** again [Guardian. 2008. 7 Nov.].*

Обусловленное коммуникативными стратегиями контраста и осуждения активное метафорическое переосмысление слотов «хищник» и «азарт карточной игры, связанный с возможностью победы в результате обмана или введения противника в заблуждение» в данном случае дополняется использованием биоморфного сравнения, экспрессивность которого вызвана тем, что сферой-целью образного переосмысления является средство массового уничтожения: **missile** (*any object or weapon that is thrown at a target or shot from an engine, gun, etc / реактивный снаряд; ракета*); **shoot** (*any new growth of a plant, such as a bud, young branch, etc / побег, росток*) [Collins English Dictionary 2006].

Экспрессивность данного сравнения в значительной степени усиливается тем, что в качестве объекта сравнения используется метафорически переосмысленная лексическая единица, тесно связанная со слотом «истребление при помощи оружия» — **shoot**: 1) *hit, wound, damage, or kill with a missile discharged from a weapon*; 2) *discharge (a missile or missiles) from a weapon*; 3) *fire (a weapon) or (of a weapon) to be fired* [Collins English Dictionary 2006].

В одном из лексико-семантических вариантов данного многозначного слова фигурирует значение **missile**. Соответствующая лексема выступает в роли объекта сравнения в данной статье. В результате возникает парадокс, обусловленный тем, что не только живой организм рассматривается автором и

читателем статьи как средство уничтожения, но и средство уничтожения может принимать облик живого существа.

Все это в значительной степени является проявлением коммуникативной стратегии достоверности и служит подтверждением гипотезы, высказываемой журналистом: жить в современном мире небезопасно; наше впечатление о сущности окружающего мира является обманчивым — под маской друга может скрываться опасный и вероломный враг.

Использование оценочных эпитетов и структурно связанных с ними метафор (**not blameless, nationalist, autocratic. capable of provoking a conflict, tie them ever tighter into an intractable knot**) в каждом отдельном абзаце связано с прагматической направленностью статьи — обвинениями в адрес авторитарных политиков, которые игнорируют мнение других людей и проявляют агрессию по отношению к другим государствам.

*The Kremlin is **not blameless**: it is **nationalist, autocratic, the battleground of rival clans capable of provoking a conflict in the Caucasus for the purpose of sending a message to each other. But the regional stakes are now getting high**. Mr Obama has to convene an early bilateral summit with Mr Medvedev and Vladimir Putin, his prime minister. The two sides need to untangle the issues dividing them, not tie them ever **tighter into an intractable knot** [Guardian 2008. 7 Nov.].*

Критикуя того или иного политического лидера, британский журналист при помощи оценочных эпитетов указывает на враждебность (**capable of provoking a conflict**), азарт и корысть (**the regional stakes are now getting high**) как типичные черты кремлевских «хищников», пытающихся лишить другие страны и своих собственных гражданам свободы выбора. На это указывает использующийся в статье мотив пленения (**tie them ever tighter into an intractable knot**).

Экономическая метафора **stakes** (*the money or valuables that a player must hazard in order to buy into a gambling game or make a bet / ставка, заклад (в азартных играх)*) вызывает у читателя подозрение в том, что российские политические лидеры рассматривают свою работу не как выполнение определенных служебных функций, обусловленных созданием на территории своего государства лучших условий для существования народа, а исключительно как возможность развлечься и подзаработать, ущемить права и свободы других людей.

Таким образом, формирование взгляда на современных политических лидеров России обусловлено прежде всего субъектив-

ным оценочным мнением автора, вынужденного делать выбор между двумя утверждениями: «Россия — друг» или «Россия — враг». Этим выбором, а также реализацией коммуникативных стратегий осуждения и контраста, мотивируется формирование в тексте статьи различных имплицитных смыслов, связанных с такими фигурами речи и стилистическими приемами, как метафора, эпитет, сравнение, литота, ирония. Пытаясь продемонстрировать враждебность России, британские и американские журналисты формируют влияющие на воображение читателя имплицитные смыслы, фокусируют внимание читателя на желании политической элиты России продемонстрировать свою силу, вести двойную игру, в связи с чем такие слоты, как «азартные игры», «хищные животные» оказываются прагматически и семантически оправданными средствами актуализации концепта «хитрый, коварный и сильный враг».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. — М. : Едиториал УРСС, 2003.
2. Будаев Э. В. Семиотический параллелизм политических метафор // Политическая лингвистика. — Екатеринбург. 2008. С. 32—36.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации // Политическая лингвистика. — Екатеринбург. 2008. С. 37—48.
4. Меграбова Э. Г. Языковая репрезентация коммуникативных стратегий в дискурсе о России //

Культурно-языковые контакты : сб. науч. тр. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. Вып. 12. С. 62—75.

5. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. — СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996.
6. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. — СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.
7. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М. : Наука, 1986.
8. Тюрина Н. А. Газетно-публицистический текст и прагматическое намерение автора // Материалы 31 Всерос. науч. конф. 11—15 марта 2003 г. — СПб. : СПбГУ, 2003. С. 59—67.
9. Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 91—106.
10. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. — Екатеринбург, 2003.
11. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2006.
12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. ; Волгоград : Перемена, 2000.
13. Fleming I. From Russia With Love. — N. Y. : Macmillan, 1957.

СЛОВАРИ

14. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. — М. : Советская энцикл., 2000.
15. Collins English Dictionary. — HarperCollins Publishers, 2006.

ИСТОЧНИКИ

16. Guardian. URL: <http://www.guardian.co.uk>.
17. New York Times. URL: <http://www.nytimes.com>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. Л. Фрейдина